

М. А. Литовская

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ: АЛЬМАНАХ «БОЕВЫЕ РЕБЯТА» (1942–1944)

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-94-101

УДК 82:087.5

ББК 83.801.1

Рассмотрено содержание альманаха «Боевые ребята» (Свердловск, 1942–1958) периода Великой Отечественной войны. Аудитория альманаха — подростки 10–13 лет, проживающие на Урале. Проанализирована специфика интерпретации военной реальности коллективными усилиями редактора-составителя альманаха К. В. Рождественской и его авторов с различным опытом обращения к детской литературе. Выделена как важнейшая и охарактеризована социализационная задача альманаха — вызвать у подростка уважение к Уралу как месту его постоянного или временного проживания, подчеркнув значимость этой тыловой территории для военных действий, чтобы снять у молодого читателя ощущение неполноценности его жизни в глубоком тылу. На основе проведенного литературоведческого анализа доказано, что создатели альманаха выполняют государственный «заказ» — осмысливать идущую войну как отечественную, ориентируясь в качестве прецедентного события на Отечественную войну 1812 г. Отталкиваясь от созданного в довоенной советской детской литературе образа Гражданской войны, авторы альманаха делают акцент не на изображении внутреннего конфликта своего/чужого, а на столкновении идеального Своего с внешним отвратительным Чужим. Они последовательно формируют тему монолитности советского мира через развитие мотивов единства фронта и тыла, преемственности традиций российских отечественных войн, подчеркивают устойчивость структуры советского общества со свойственной ей иерархией поколений, создавая образы «боевых ребят» как дисциплинированных и в то же время инициативных учеников и помощников старших.

Ключевые слова: *литература периода Великой Отечественной войны, советская детская литература, периодические издания на Урале, альманах «Боевые ребята»*

Искусство оперативно реагирует на значимые изменения в обществе появлением текстов с описанием новых социальных феноменов, при этом подвижная система мотивов и тем своей повторяемостью фиксирует в сознании воспринимающего устойчивое представление об этих феноменах. При определенных условиях, когда, по словам В. Маяковского, «улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать», авторы художественных текстов нередко берут на себя задачу разработать внутренне непротиворечивую систему словесных образов, которая задаст читателю умопостижимую картину насущной социальной реальности. Особенно остро потребность в таком осмыслении и словесном

закреплении новых феноменов возникает при резком изменении общественной ситуации. Война как любое кризисное социальное событие меняет мироотношение всего населения воюющих государств. В эпоху развитых медиа такая смена не только происходит «естественным» путем, но и последовательно выстраивается.

Проанализируем специфику описания актуальной социальной реальности — небывалой доселе по своему размаху и формам организации войны — в альманахе для подростков, который начал выходить в Свердловске в 1942 г. Поскольку одной из важнейших функций детской литературы является социализация читателя,¹ мы рассмотрим, как коллективными усилиями авторов альманаха выстраивается образ Великой Отечественной войны для юных читателей, живущих в тыловом городе.

*Литовская Мария Аркадьевна — д.филол.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН; профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: marialiter@gmail.com*

* Статья выполнена по проекту РФФИ № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века»

¹ См. об этом, напр.: Арзамасцева И. Детская Россия // Новое лит. обозрение. 2011. № 111. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/a42.html> (дата обращения: 11.12.2017); Горький М. О новом и старом // М. Горький о детской литературе: статьи, высказывания, письма. М., 1968. С. 82–84; Lerer S. Children's literature: a reader's history, from Aesop to Harry Potter. Chicago, 2008; O'Dell F. A. Socialization through children's literature: the Soviet example. Cambridge, 1978.

Сразу оговорим, что описание реальности Великой Отечественной войны в литературе для детей проходило в специфических условиях. Во-первых, следует отметить беспрецедентные возможности распространения печатного слова в СССР в начале 1940-х гг. Программы преодоления неграмотности, реформы образования сделали художественную литературу доступной всем слоям населения и, учитывая традиционно высокий авторитет книги в российском обществе, практически всем возрастам (те, кто не умели читать, всегда могли найти чтеца — живого или механического в форме радио). Во-вторых, прошедшая в 1930-е гг. унификация официальной советской культуры привела к выработке единого идеологического риторического «словаря» и — что не менее важно — к формированию аудитории, готовой понимать этот словарь и выражать с его помощью собственные эмоции. Воспитание молодого читателя, умеющего слушать и понимать язык власти, к началу войны уже состоялось.² В-третьих, в рамках идеологической унификации сложилось устойчивое представление о том, в каких отношениях находятся дети и война, через какую систему понятий и образов эти отношения можно описывать.

К началу 1930-х гг. советская пропаганда работала на то, чтобы каждый член общества, вступив в сознательный возраст, понимал, что он живет в ситуации «усиления классово-борьбы». И целенаправленная социализация, и стихийная предлагали ребенку готовиться к героическим свершениям. Пионеры регулярно давали клятву «быть готовыми» к борьбе за новые идеалы. В популярных произведениях для подростков юные герои постоянно думают об армии, или являются солдатами, или готовятся к военной службе. Не только образцовый мальчик из рассказа «Честное слово» Леонида Пантелеева учится стоять на часах, но даже и вран у Даниила Хармса врет про то, «что под морем-океаном / часовой стоит с ружьем».³ Васька из «Дальних стран» Аркадия Гайдара собирается, став взрослым, пойти в Красную

Армию: «Возьму винтовку и буду сторожить. <...> а если не сторожить, то налетит белая банда и завоюет все наши страны».⁴ В стихотворении «А ты?» Александра Введенского возникает та же тема: «Солнце на небе горит, / первый мальчик говорит: / Стану я совсем большим, / буду я бойцом лихим. // <...> — Ты герой, и я герой, / — отвечал ему второй. / — Я в тяжелом танке буду / бить врага везде и всюду. // <...> — Ну, а я, — ответил пятый, / — буду бить врага гранатой, / и прикладом, и штыком, / буду опытным стрелком».⁵ Подобные примеры можно множить и множить.

Конечно, формы участия детей в войне являлись предметом полемики. Несмотря на то что газеты и журналы периода Первой мировой войны охотно печатали портреты «маленьких воинов» и рассказывали об их подвигах и наградах, война все же рассматривалась как непосильное для ребенка травматическое событие, в котором детям отводилась роль помощников старших: им предлагалось участвовать в сборе средств, в шествиях и концертах в поддержку армии, отправлять на фронт посылки и письма, посильно помогать в госпиталях и т. п.⁶ Традиционное отношение к войне как к трагедии сохраняется и в 1920–1930-е гг., но в искусстве этого времени участие детей в широко понимаемых военных действиях нередко представлялось как своего рода инициационная практика, позволяющая молодому человеку доказать свое право считаться полноценным гражданином нового мира. Во многом это было связано с мобилизационной доктриной советского государства, предопределенной общим контекстом межвоенного периода, характерные черты которого сложились «под влиянием опыта Первой мировой войны, в особенности под влиянием неизбежности учета фактора мобилизованных масс в обществе и политике».⁷

Советские писатели, прошедшие через войны начала XX в., выстраивали в своих книгах историю «страны-подростка» как историю войн настоящих и будущих. В литературе доминировал образ энергичных детей, нацеленных на то, чтобы «бороться, искать, найти и не сдаваться». Ключевыми словами предвоенной

² См. об этом, напр.: Балина М. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е–1930-е). СПб., 2013. С. 7–19; Маслинская (Леонтьева) С. Г. Пионерская беллетристика vs большая детская литература // Детские чтения. 2012. № 1. С. 110–116; Olich J. Competing Ideologies and Children's Literature in Russia, 1918–1935: how powerful actors attempted to establish cultural uniformity, how the process was contested, and how it failed. Saarbrücken, 2009.

³ Хармс Д. Полет в небеса Л., 1988. С. 245.

⁴ Гайдар А. Сочинения. М.; Л., 1948. С. 137.

⁵ Введенский А. А ты? // Чиж. 1941. № 2. С. 7–9.

⁶ См.: Щербинин П. П. Детская повседневность в период Первой мировой войны 1914–1918. Тамбов, 2015.

⁷ Коткин С. Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия. СПб.; М., 2001. С. 241.

эпохи были «радость боевых побед», «слава и смелость», «бойцы» и «герои». Первая мировая война однозначно определялась как империалистическая и — на уровне официальной литературы для детей — рассматривалась всего лишь как преамбула к революции. Прославление героики Гражданской войны в литературе 1920–1930-х гг. приводило к тому, что даже малые дети через игры, учебные занятия идентифицировали себя с легендарными красноармейцами.⁸ Военные конфликты изображались преимущественно как войны гражданские, идущие внутри общества. Если использовать образы из самой, наверное, знаменитой детской книги 1930-х гг. о войне, в битве с «буржуинами» основной конфликт разворачивался через противопоставление поведения Мальчиша-Кибальчиша и Мальчиша-Плохиша — идеального Своего и тайного Чужого, до поры до времени скрывавшего свою чуждость.⁹

Найденные образы, казалось бы, идеально подходили для дальнейшей трансляции во вновь возникших военных условиях. Но начавшаяся в 1941 г. война мало походила на ту, что изображалась в детских довоенных книгах. Массовая мобилизация, эвакуация людей и предприятий, потеря части страны в начале войны, воздушные налеты — такой войны в детской литературе еще не существовало. Новые реалии побуждали к созданию новой картины, которая могла бы помочь преодолеть видимые несоответствия образа войны, существовавшего в искусстве, и хаоса реальных впечатлений.

Задача писателей отчасти облегчалась тем, что ключевое слово в описании войны было названо в первый ее день в речи В. М. Молотова: войну определили как «отечественную», ссылаясь на прецедентное событие — Отечественную войну 1812 г. В соответствии с принципами тогдашнего устройства литературной жизни вновь введенное понятие следовало сделать мирообразующим для молодого читателя по правилам, хорошо известным участникам литературного процесса (соответствие актуальному политическому моменту, доступность языка изложения для широкой аудито-

рии, формирование у читателя понятого по-советски историзма и чувства превосходства над людьми из несоветского мира).

Судя по всему, мало кто из авторов в начале войны был готов возложить на себя персональную ответственность за выполнение столь сложной задачи. Неслучайно, видимо, в первые годы войны доминирующими формами изданий литературных произведений становятся коллективный сборник и альманах, в самом жанре которых проявляется идея коллективного, хоть и персонализированного, авторства.

В Свердловске — центре литературной жизни Урала, одном из крупнейших центров эвакуации — начали выпускать альманах «Боевые ребята». Его первый номер был подписан в печать 2 июля 1942 г. и представлял собой иллюстрированное собрание рассказов, очерков, стихов. Инициатором организации альманаха была главный редактор Свердловского книжного издательства Клавдия Васильевна Рождественская,¹⁰ имевшая немалый опыт в создании сборников разного рода. Она привлекла к участию в издании для детей не только свердловских писателей, но и эвакуированных литераторов.

Некоторые внешние причины выхода сборника обозначила дочь Клавдии Васильевны Елена Рождественская: «Началась Великая Отечественная война. Прежние планы издательства были свернуты, новые — нацелены на военную тематику. Издательство тогда стало своеобразным центром литературной жизни Свердловска. <...> В Свердловск, в эвакуацию, приехали Федор Гладков, Лев Кассиль, Агния Барто, Анна Караваева, Мариэтта Шагинян, Евгений Пермяк, Илья Садофьев, Ольга Форш, Юрий Верховский, Елена Благинина, Оксана Иваненко, Ольга Высоцкая и многие другие. С приездом широко известных литераторов свердловская писательская организация увеличилась до семидесяти человек. Все работают, пишут, творят, а издавать книги в тяжелые военные годы непросто. Клавдия Рождественская принимает решение — выпускать иллюстрированные коллективные сборники (помимо альманаха «Уральский современник» и вновь организованного ею детского альманаха

⁸ См. об этом: Сергеев А. Альбом для марок. М., 1997; Старикова Е. В наших переулках: биографические записи. М., 2003; и др.

⁹ Столкновение Своего и Чужого могло быть и в сознании одного персонажа, в результате его происходило символическое вытеснение/уничтожение Чужого.

¹⁰ Подробнее о ней см.: Литература первой половины XX в.: Клавдия Васильевна Рождественская // Родное Прикамье: Хрестоматия по литературному краеведению. Пермь, 2001. С. 34–39.

«Боевые ребята», который в 1958 г. перерос в журнал «Уральский следопыт»».¹¹

Иными словами, финансирование выпуска художественной литературы было по понятным причинам сокращено; издание отдельной книги возможно было преимущественно для авторов, занимавших высокие позиции в советской писательской «табели о рангах». Создание коллективного сборника помогало, хотя бы отчасти, решить проблему публикаций. Кроме того, подготовка альманаха должна была сплотить местных и приезжих литераторов, отношения между которыми бывали весьма напряженными. Участие в выпусках именитых «москвичей», в свою очередь, повышало авторитет издания.

Но внутрицеховые причины не умаляют значимости проделанной создателями альманаха работы. Опытный редактор-составитель, К. В. Рождественская удачно нашла важный поворот в военной теме. Название «Боевые ребята», увязывающее между собой три значения слова «боевой» (относящийся к ведению боя, войны; готовый к борьбе, воинственный, решительный; смелый, бойкий), выводило описание войны за рамки собственно фронтовых действий, подчеркивая равноправие фронта и тыла в отечественной войне. В альманахе создавался коллективный образ, в первую очередь, тылового края.

«Боевые ребята» не имели обычной для изданий такого типа редакционной преамбулы, да издание, собственно, в ней и не нуждалось. Оно, как уже отмечалось, было рассчитано на единообразно воспитанного читателя, который был приучен определенным образом интерпретировать тексты. Ему не надо было объяснять ни значение в тексте заголовочного комплекса, ни архитектонику альманаха, которая, в целом, воспроизводила структуру советских детских журналов — от передовой (голоса власти) до развлекательных (досуговых) материалов.¹²

Функцию передовой статьи, доносящей до читателя установку редакции, в альманахе выполняло стихотворение «В городе Свердлов-

ске» известной переводчицы и поэта Веры Звягинцевой: «В городе Свердловске спят снега, / Над Уктусской улицей пурга, / В комнате морозной лунный свет, / Над постелью матери портрет / Летчика, которого здесь нет. // Он сейчас летает над Москвой, / Сын с упрямой, гордой головой. / На уктусских окнах тает лед. / Сын рукой умелую ведет / Над Москвой любимой самолет. // Сердце тыла, мощный наш Урал, / Много ты стране богатства дал, / Ты помощник Родины своей, / Сколько силы ты прибавил ей. / Сколько славных вырастил друзей! // Над свердловской улицей пурга, / Под Москвой лиловые снега, / Побратался ты, Урал, с Москвой, / В час кровавый, трудный, боевой / Ты исполни долг высокий свой».¹³

В открывающем новое издание стихотворении заданы основные темы альманаха, соответствующие идеологическим задачам военного времени: определение войны как «часа кровавого, трудного, боевого»; признание «братства» фронта и тыла; констатация взаимовыручки разных регионов СССР при общем их подчинении «любимой» Москве.

Для альманаха, выходящего в Свердловске, крайне важным оказывается открытое восхваление места его создания — антропоморфизированного Урала, который именуется «сердцем тыла», «помощником Родины», щедрым владельцем и дарителем «богатств», а также воспитателем «славных друзей». Закрепленные к тому времени положительные характеристики Урала (мощь, богатство, сила, центральное географическое и экономическое положение, безвозмездная передача своего природного и человеческого потенциала государству), незадолго до начала войны актуализированные П. П. Бажовым в «Малахитовой шкатулке», упомянуты в стихотворении.

Авторы альманаха говорят с позиции сильной периферии, имеющей полное право на голос: в войне на равных принимает участие вся страна, помогающая Москве как символическому субституту СССР. В контексте предполагаемых интересов адресата альманаха важны также образы матери и ее сына-заступника, коррелирующие с образами Родины и Урала.

Образный ряд стихотворения вписывается в знакомую советскому школьнику систему, активно транслировавшуюся с начала Великой Отечественной войны, и подросток, как

¹¹ Рождественская Е. «Моему неизменно окрыляющему редактору»: вспоминая Павла Петровича Бажова // Урал. 2005. № 1. С. 241–246. В 1942 и 1943 гг. было издано по два выпуска альманаха; в 1944, 1946, 1951, 1957 гг. — по одному; в 1948–1950, 1952, 1953, 1955 и 1957–58 гг. — по два; в 1954 г. — три; в 1956 г. — четыре; в 1945 и 1947 гг. альманах не выходил.

¹² Собственно развлекательные материалы появятся в альманахе только с выпуска 9 (1949 г.); до этого в конце номера ставились либо очерки невоенной тематики, либо рубрика «Для малышей».

¹³ Звягинцева В. В городе Свердловске // Боевые ребята. Свердловск, 1942. Вып. 1. С. 3.

местный, так и эвакуированный, мог легко провести аналогии между условной ситуацией стихотворения и своей собственной жизнью: он тоже живет на Урале, в Свердловске (автор использует местный урбаноним — Уктусская улица), переживает морозную, метельную уральскую зиму, он готов помочь своей Родине, исполняя «свой высокий долг», под которым — в контексте толкования слова «боевой» — могло пониматься как свершение военного или трудового подвига, так и будничное выполнение принятых на себя обязательств (например, хорошая учеба).

Образ Урала и Свердловска в текстах альманаха дополняется новыми характеристиками, среди которых на первое место выходит изображение их как места, приютившего множество заводов, людей из разных уголков СССР, в том числе раненых фронтовиков.¹⁴ Но в текстах альманаха, специально посвященных Уралу,¹⁵ акцент делается на его трудовом потенциале. В стихотворении «Город-арсенал» Константина Мурзиди «родной Свердловск» «устремлен в далекие просторы, / Давая взлет прожекторным лучам, / Пуская танки, пробуя моторы, / Испытывая пушки по ночам». Автор даже сравнивает город — через образ оружия — с крепостью, где «каждый камень — башня угловая, / И каждый холмик — неприступный вал».¹⁶ Наделяя Свердловск значением арсенала страны, он подчеркивает достойное место города в военных действиях, символически обозначает испытания («гусеничный след», «выбоины старого торца», работа день и ночь), через которые «арсенал» проходит, чтобы поддерживать это звание.

В отличие от довоенной литературы о войне, где доминировали темы классовой войны и разделения всего населения страны на «белых» и «красных», в альманахе «Боевые ребята» формируется образ единой Родины, противостоящей общему внешнему врагу — фашизму. Он задается не только демонстрацией достоинств одного из регионов СССР — Урала, но и местом действия в текстах альманаха.

Персонажи рассказов, стихов, очерков находятся в тылу или на оккупированных фашистами территориях, они разного возраста, но все действуют как будто по одному плану.

Ключевое определение войны — «отечественная» — многократно подтверждается в альманахе тем, что в противостоянии фашистам объединяются хорошо известные исторические лица, например награжденная званием Героя Советского Союза комсомолец Зоя Космодемьянская¹⁷ и вымышленные персонажи-животные, например, «кот советский, ловкий», который «к нам посмел носить листовки»,¹⁸ боевой медведь.¹⁹

Большинство текстов альманаха посвящено, собственно, боевым ребятам 10–13 лет, прямо или косвенно участвующим в военных действиях, смелым, ловким, изобретательным — таким, какими хотели бы видеть себя читатели — их ровесники. Так, в стихотворении Ильи Садофьева «Рукавички» рассказана история находчивых подружек, которые продают рукавички, на самом деле создав с их помощью систему сигналов для партизан. Они вешают варежки разного цвета на старой ели: «Черную подвесим — значит, знайте: / Против вас устроен караул. / Белую подвесим — налетайте, / Чтоб к утру от штаба только гул! / Две подвесим — фронту передайте: / Враг резервы с тыла подтянул».²⁰ В произведении Николая Бабича «На Лисьей горе», жанр которого обозначен как «рассказ партизана», сын председателя колхоза Васютка участвует в бою наравне со взрослыми.²¹ В рубрике «Военные были», самим названием сориентированной на передачу правдивых историй, печатается рассказ «Дядя Малек и его друзья» о мальчишке-воине: «Днем он открыто ходил в разведку, появляясь в деревнях, занятых фашистами. А ночью подросток Малек превращался в смелого командира и совершал дерзкие налеты на врага».²²

Героическим поступкам сверстников на фронте, как могут, соответствуют ребята в тылу. Вяжет носки для бойцов Саша Югов.²³ Передает фронту «любимую ученую собаку» герой

¹⁴ Более детально и многогранно мотив Свердловска как «временного нового дома» разрабатывался в коллективных изданиях для взрослых («Говорит Урал», «Уральский современник»). Об этом см.: Ключкова Ю. В. Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. С. 128–135

¹⁵ Начиная с четвертого выпуска в альманахе появляется рубрика «Наш край».

¹⁶ Мурзиди К. Город-арсенал // Боевые ребята. 1943. Вып. 4. С. 3.

¹⁷ В разделе «Военные были» размещен текст: Зоя — из очерков П. Лидова, В. Чернышева («Правда» и «Комсомольская правда») // Боевые ребята. 1943. Вып. 3. С. 37.

¹⁸ Кузнецова А. Приключения котенка // Боевые ребята. 1942. Вып. 2. С. 62.

¹⁹ Осин Е. Лесной хозяин // Боевые ребята. 1942. Вып. 1.

²⁰ Боевые ребята. 1942. Вып. 1. С. 23.

²¹ Там же. С. 39.

²² Там же. С. 53.

²³ См.: Рябинин Б. Тайна Саши Югова // Боевые ребята. 1942. Вып. 2. С. 16–18.

рассказа Марии Марич «От всего сердца».²⁴ В стихотворении «Подарок тимуровцев» А. Кузнецова нарисовала нереально-грандиозную картину результатов труда школьников: «И сейчас на всех окошках / В банках, ящиках и плошках / Зреет зелень в декабре, / Январе и феврале. // Ярко рдеют помидоры, / Лук давно дорос до шторы. / Здесь поспел уже редис, / Там лимоны налились. // Мчатся к фронту эшелоны, / Снизу доверху вагоны / Свежей зеленью полны / Для защитников страны».²⁵ Те же, кто в силу возраста не могут ничего сделать для фронта, стараются помочь старшим хотя бы своим послушанием.

В тыловом городе Свердловске важной задачей было удерживать подростков от бегства на фронт, убедительно рассказывая им о том, что помочь победе можно и дома. Авторы все время подчеркивают, что воюющие дети стали воинами поневоле, потому что оказались на оккупированной территории или в прифронтовой полосе. «Тыловики» готовы в любой момент начать участвовать в военных действиях, но не делают этого, так как дисциплинированно, подобно настоящим солдатам, удерживают себя от необдуманных поступков вроде побега на фронт. Героиня Зоя Космодемьянская не уходила на фронт, пока не достигла соответствующего возраста. Во всех военных выпусках альманаха проводится мысль о том, что все советские молодые люди одинаковы в своем стремлении защищать Отечество, и авторы неоднократно выражают гордость за всех них в целом: «Неспроста трясет, не уставая, / День и ночь трясет фашистов дрожь, / — В нашей битве — наша огневая / Радость жизни — наша молодежь».²⁶

Готовность советской молодежи к подвигам объясняется в альманахе правильным воспитанием со стороны государства, школы, семьи. Подростки из других стран тоже готовы защищать справедливость (рассказ Бориса Рябини-на «Ветер с моря» в первом выпуске), но у них нет таких учителей, поэтому они легче становятся жертвами фашистов. Советские люди в произведениях для детей обычно выходят победителями.

В рассказе Льва Кассиля «У классной доски» действие происходит в прифронтовой полосе. «Части Красной Армии отошли за реку и укрепились там. А колхозники остались в парти-

занском отряде и ушли в ближний лес за селом. Школьники носили им туда еду, рассказывали партизанам, где и когда были замечены немцы. Костя Рожков, ловкий и сильный, лучший пловец в школе, не раз доставлял вплавь на тот берег красноармейцам донесения от командира лесных партизан. Шура Капустина, та, которая раньше порезанного пальца видеть не могла, теперь сама перевязала раны двум пострадавшим в бою партизанам. <...> Даже Сеня Пичугин, известный тихоня, высмотрел за селом немецкий патруль и, разведав, куда он идет, успел предупредить партизан».²⁷ Но все смелые поступки дети совершают под руководством своей учительницы: «Выполнив все задания, закончив свои опасные дела, ребята собирались у школы и один за другим рассказывали свои подвиги учительнице. И вместе они решали, за какие дела надо теперь браться».²⁸

Отечественная война отличается от гражданской тем, что она не лишает детей детства. Даже те, кто вынуждены воевать, или те, кому особенно трудно приходится в эвакуации, например украинской девочке, не говорящей по-русски («Маленькая сестричка» О. Иваненко), или маленькому мальчику из теплых краев («Новогодний подарок» О. Иваненко), сохраняют право на заботу взрослых. В этом состоит еще один важный посыл альманаха: дети во время войны остаются детьми, а взрослые в советской стране делают все, чтобы хоть как-то компенсировать им военные лишения. Сохранение дистанции между детьми и опекающими их взрослыми выражено, например, в юмористической передаче некоторых детских словечек и привычек.²⁹

Несмотря на идущую войну и связанные с ней драматические и трагические обстоятельства, детям войны внушали, что их детство счастливое, потому что интересы всех жителей страны совпадают в желании победить врага, все советские люди объединены общей идеей и равны. Оттенить это счастье призваны включенные в альманах материалы о трудностях дореволюционной жизни. В очерке Петра Ермакова «Из детских воспоминаний» традиционно для советской детской повести рассказывается о нищете, эксплуатации, побоях,

²⁷ Кассиль Л. У классной доски // Там же. Вып. 1. С. 15.

²⁸ Там же.

²⁹ В упоминавшемся рассказе М. Марич трехлетняя Зойка, увидев перочинный нож, восклицает: «Ой, такой малюсенький, а уже ножик», а ее брат «сердито всхлипнул... размазывая по лицу разнородные жидкости, которые струились из его носа, глаз и с губ» (Боевые ребята. 1942. Вып. 1. С. 32).

²⁴ Марич М. От всего сердца // Там же. Вып. 1. С. 22–25.

²⁵ Кузнецова А. Подарок тимуровцев // Там же. Вып. 2. С. 18.

²⁶ Садофьев И. Рукавички // Там же. Вып. 1. С. 24.

которым подвергались дети до революции. Условия детства рассказчика разительно контрастируют с жизнью советских детей.

Постоянные призывы учиться, характерные для альманаха, задают еще одну характеристику отечественной войны — отсутствие в ней революционности, стремление, напротив, по возможности соблюдать преемственность, сохранять уклад и традиции. Советское общество, как оно изображено в альманахе, действует как хорошая семья, где люди поддерживают друг друга, наставляют, передают правила жизни. Особую роль в воспитании играют отцы-фронтовики. Один из них, призывая сыновей гордиться родной историей, пишет им о подвиге генерала Раевского, который вывел своих детей на поле битвы при Бородино,³⁰ и дает мальчикам универсальное наставление: «Милые вы мои мальчуганы, я очень доволен, что вы идете в числе первых учеников. В такое серьезное и трудное для нашего отечества время каждый из нас, кем бы и где бы он ни был, должен выполнять свои обязанности на “отлично”. Рабочие и служащие должны отлично работать, бойцы и командиры Красной Армии отлично сражаться с подлым и злым врагом, ребята отлично учиться. В этом и заключается наша беззаветная любовь к Родине».³¹

Как только напряжение военных событий спадает, в альманахе резко сокращается количество публикаций на военные темы и, напротив, увеличивается число просветительских материалов,³² характерных для советской дет-

ской периодики. Альманах приобретает все более краеведческий характер.

Тексты альманаха «Боевые ребята» далеки от совершенства, во многом построены на литературных штампах. Являясь образцом массовой словесности своего времени, транслируя выработанные «наверху» представления о должном, альманах дает возможность увидеть особенности задаваемой социальной нормы военного времени. Структура альманаха позволяет говорить о строгом следовании его создателей государственному «заказу» на изображение текущей войны как отечественной: авторы честно стараются проиллюстрировать ее характеристики, выстроить сюжеты идеальных для читателей-подростков коллизий трагического времени, где семьи воссоединяются, фашисты неизменно получают по заслугам, дети проявляют смекалку, помогая взрослым бороться с врагом. Создатели альманаха, отталкиваясь от сложившегося в довоенной советской детской литературе образа гражданской войны, делают акцент на изображении столкновения идеального Своего с внешним отвратительным Чужим. Они последовательно формируют тему сплоченности советского мира через развитие мотивов единства фронта и тыла, преемственности традиций российских отечественных войн, подчеркивают устойчивость структуры советского общества со свойственной ей иерархией поколений, создавая образы «боевых ребят» как дисциплинированных и в то же время инициативных учеников и помощников старших.

Maria A. Litovskaya

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: marialiter@gmail.com

A NEW SOCIAL REALITY IN SOVIET CHILDREN'S LITERATURE: ANTHOLOGY “BOYEVYE REBIATA” [“FIGHTING CHILDREN”] (1942–1944)

The content of the anthology “*Boyevye rebiata*” [“Fighting children”] (Sverdlovsk, 1942–1958; the audience — teens aged 10–13 years living in the Urals) during the period of the great Patriotic war is reviewed. The specifics of interpretation of military reality by collective efforts of the editor-compiler of the anthology K. V. Rozhdestvenskaia and its authors with various experience of the appeal

³⁰ Тут уместно вспомнить, что М. Марич прославилась историческим романом о декабристах «Северное сияние» (1931), а в альманахе опубликовала также рассказ «Небываемое бывает» (1942. Вып. 2) о Петруше Каховском, который в 1812 г. ударил убившего собаку француза по голове бутылкой.

³¹ Марич М. От всего сердца. С. 26.

³² См. очерк М. Шагинян «Мудрый поэт Низами» (1943. Вып. 3); очерки об Александре Невском, о географии и экономике Урала и даже публикацию поэтического и прозаического текстов К. Рылеева и Д. Мамина-Сибиряка о Ермаке (1944. Вып. 5).

to children's literature are analyzed. The socialization task of the anthology is allocated as the major is to cause in the teenager respect for the Urals as the place of his full-time or temporary residence, to emphasize the importance of this rear area for military operations, to take off effects of the young reader's inferiority because of his living in the rear. On the basis of literary analysis it is proved that creators of the almanac are based in their creative activity on the state "order" to comprehend war of 1941–1945 as domestic and being guided by a precedent event of Patriotic war of 1812. Making a start from the image of civil war created in pre-war Soviet children's literature, authors of the almanac place emphasis on the image not of the internal conflict ours/others, but on conflict the ideal our /external disgusting stranger. They consistently form the theme of the unity of the Soviet world through development of motives of unity of the front and rear, continuity of traditions of the Russian patriotic wars, emphasize stability of structure of the Soviet society with its characteristic hierarchy of the generations, creating images of the "Fighting children" as disciplined, but initiative pupils and assistants of the seniors members of society.

Key words: *literature of the Great Patriotic war period, the Soviet children's literature, periodicals in the Urals, the anthology "Fighting children" ("Boevyie rebiata")*

REFERENCES

- Arzamastseva I. [Children's Rossica]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2011, №111. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/a42.html> (accessed: 11.12.2017). (in Russ.).
- Balina M. [Soviet children's literature: a few words about the subject of research]. *"Ubit' Charskuyu...": paradoksy sovetskoy literatury dlya detey (1920e–1930e)* ["Kill Charskaya...": paradoxes of Soviet literature for children (1920s–1930s)]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2013, pp. 7–19. (in Russ.).
- Klochkova Yu. V. [Literary image of Sverdlovsk in works of war years]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity]. Ekaterinburg: Izd-vo AMB Publ., 2006, pp. 128–135. (in Russ.).
- Kotkin S. [The Soviet Union in the interwar military context]. *Mishel Fuko i Rossiya* [Michel Foucault and Russia]. Saint Petersburg; Moscow: Evropeyskiy un-t v Sankt-Peterburge: Letniy sad Publ., 2001, pp. 239–315. (in Russ.).
- Lerer S. *Children's literature: a reader's history, from Aesop to Harry Potter*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008, 386 p. (in English).
- [Literature of the first half of the 20th century: Klavdiya Vasilievna Rozhdestvenskaya]. *Rodnoe Prikamie: Khrestomatiya po literaturnomu kraevedeniyu* [Native Kama region: Anthology on literary study of local lore]. Perm: Kn. mir Publ., 2001, pp. 34–39. (in Russ.).
- Maslinskaya (Leonteva) S. G. [Pioneer fiction vs great children's literature]. *Detsknie chteniya* [Children's Readings], 2012, no. 1, pp. 100–116. (in Russ.).
- O'Dell F. A. *Socialization through children's literature: the Soviet example*. Cambridge: University Press, 1978, 278 p. (in English).
- Olich J. *Competing Ideologies and Children's Literature in Russia, 1918–1935: how powerful actors attempted to establish cultural uniformity, how the process was contested, and how it failed*. Saarbrucken, Germany: VDM Verlag, 2009, 280 p. (in English).
- Rozhdestvenskaya E. ["My invariably inspiring editor": recalling Pavel Petrovich Bazhov]. *Ural* [Ural], 2005, no. 1, pp. 241–246. (in Russ.).
- Shcherbinin P. P. *Detskaya povsednevnost' v period Pervoy mirovoy voiny 1914–1918* [Children's daily routine during the First World War 1914–1918]. Tambov: b/i, 2015, 256 p. (in Russ.).
- Starikova E. *V nashikh pereulkakh: biograficheskie zapisi* [In our alleys: biographical records]. Moscow: Agraf Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).